

Национальные социологические школы в современном мире*

(Общественные науки и современность 2007 № 5 стр. 114-130)

Социология проникает ныне во все большее число стран современного мира. И в этом своем шествии по планете она сталкивается с весьма важной проблемой, более или менее одинаково осознаваемой в каждой стране. С одной стороны, социологическое знание представляет собою глобальный, универсальный мир, открытый сегодня для освоения более, чем когда бы-то ни было. Глобальный характер социологии выражается в том, что имена десятка самых известных социологов от О. Конта и К. Маркса до П. Бурдьё и Э. Гидденса известны всюду, их работы переведены на множество языков. Во многих странах существуют национальные социологические сообщества (а в некоторых – по несколько ассоциаций). Каждые четыре года проходят форумы Международной социологической ассоциации. Короче говоря, *социология представляет собою развитую систему коммуникаций по поводу знаний о современном мире, действующую в интернациональном масштабе.*

С другой стороны, в каждой из стран социология развивается на основе исследования проблем, с которыми сталкивается именно эта страна. Если власти проводят современную политику, ориентированную на создание и упрочение государства благосостояния на демократических основаниях, то они, как правило, опираются не только на экономические данные, но и на данные социологии и на ее концептуальный аппарат. В этом случае социология стремится занять позицию конструктивной критики по отношению к официальной политике соответствующего государства. Если

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-03-00056а).

З д р а в о м ы с л о в Андрей Григорьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

же власти в большей мере ориентируются на фундаменталистские ценности, то они могут ожидать более явной оппозиции со стороны интеллектуалов своей страны, и в частности от социологов. Соотношение конструктивного сотрудничества и критики формулируется в каждой из стран по своему. Порой оно разделяет социологов на конфликтующие группы. Так было, например, в Польше в период образования "Солидарности", так было в СССР в начале 1920-х гг.

Проблема, сформулированная мною, не нова. Она характерна для всей истории социологии. Относительно взаимоотношения национального и наднационального бытия социологии существуют две точки зрения, сформулированные с достаточной отчетливостью двумя американскими социологами, оказавшими, быть может, наибольшее воздействие на положение этой науки во всех других странах. Первая принадлежит Р. Мертону, считавшему, что наука вообще, в том числе и социальная наука, – наднациональный феномен и интернациональное достояние. По его мнению, "универсализм, коммунизм, незаинтересованность и организованный скептицизм определяют этос современной науки". (Merton, pp. 552-561)

Вторая точка зрения сформулирована Н. Смелзером. Он исходит из того, что национальные школы существуют: социологическое мышление осуществляется в каждой из стран *на своем языке*; преподавание дисциплины также ведется через систему *национальных образовательных учреждений*; приоритетное внимание в соответствующих публикациях отдается *национальной проблематике*. В Президентском послании к АСА 1997 г. Смелзер сформулировал следующий тезис: "идея современного национального государства (the modern nation-state – la patrie) стала основой политической интеграции. Национальное государство воспринимается ныне как единственный носитель суверенитета и управления, как некая территория, имеющая свои границы, как локус экономической самодостаточности, как монопольный носитель легитимного применения силы и насилия, как центр общей культуры (включающей язык), как объект

лояльности и групповой идентичности" [Smelser, 1998]. (Smelser N. The rational and the ambivalent in the social sciences: 1997- presidential address / American Sociological Review. 1998. Vol. 63. №. 1.) В любых национальных социологических сообществах представлены обе эти точки зрения. Распределение сторонников той и другой позиции отчасти коррелируется со степенью владения иностранными языками. В то же время, если рассматривать вопрос по существу, то выясняется, что сформулированные позиции не противоречат друг другу. Во всяком случае, они не взаимоисключающи.

Разумеется, всякая наука, в том числе и социальная, имеет интернациональный характер: истина, кем бы она ни была сформулирована, не может быть только национальным достоянием. Однако путь к ней всегда обусловлен конкретными социальными обстоятельствами исследователя, направления или школы, среди которых немалую роль играют особенности национального мышления или специфика национального менталитета.

Среди обстоятельств, влияющих на повестку дня социологических исследований, особое место принадлежит культурной традиции страны, точнее – традициям светского мышления в рамках данной национальной культуры. И поэтому нельзя не согласиться со Смелзером, обращающим внимание на роль современного национального государства как центра общей культуры (включающей язык), как объекта лояльности и групповой идентичности. Наличие национальных школ в социологии (американской, польской, британской, французской, итальянской, японской, российской и т. д.) – одно из свидетельств правильности этого тезиса¹. Степень развития этих школ, определение задач исследовательской деятельности применительно к нуждам данной страны, использование результатов исследований в различных сферах практической жизни характеризуют социологическую культуру данного общества.

---

¹ Н. Генов одним из первых предпринял попытку изучения национальных традиций в социологии на основе характеристик положения дел в этой науке разных стран, представленными социологами этих стран [Genov, 1989].

Важно обратить внимание еще на одну из сторон обсуждаемой дихотомии. Современная социология использует более или менее сходный категориальный аппарат, рассматриваемый в качестве общенаучного. Системный подход, теории социального действия, проблематика смыслов и социальных ролей, стратификация и мобильность, социальные изменения, вызовы современности и риски, трансформации и модернизации, господство и доминирование, зависимость от пройденного пути, динамика жизненных миров, значение социально-культурной травмы, теория становления (becoming) и императив доверия – узнаваемая тематизация современного теоретического дискурса в социологии (последние три темы разработаны П. Штомпкой). На первый взгляд, представляется, что это единая проблематика для всего мира и всех стран. В определенном смысле слова – так оно и есть! Но... в то же время, каждая из этих тем разворачивается в разных обществах по-своему. И одна из наиболее серьезных опасностей становления социологического мышления состоит в игнорировании национального своеобразия социальных процессов, в слишком сильной генерализации, обуславливающей перенос ситуаций из одного социально-исторического контекста в другой.

Важно иметь в виду, что в ходе постоянных дискуссий социология меняет свой предмет, и это особенно значимо в эпоху перехода от классики к модерну и от модерна к постмодерну. В какой-то мере это совпадает с эпохами европейского исторического развития – от предвоенной ситуации к послевоенному периоду, от дуальной системы мира к его современному состоянию. При этом постмодерн фиксирует комплекс необъяснимых явлений, выходящих за пределы рациональности. Некоторые российские авторы говорят, например, о наступлении новой магической эпохи [Ионин, 2005].

Признаем очевидное: уровень социологической культуры разных стран и народов далеко не одинаков. Не более десятка стран можно отнести к числу наиболее развитых в смысле социологической культуры. В их круг,

безусловно, входят США, Великобритания, Франция, Польша, Бразилия и Япония. В большинстве из них с начала XIX в. не прекращался процесс накопления социологического знания, там сложились университеты, кафедры, исследовательские учреждения, поддерживавшие преемственность социологии. Вместе с тем, социологическая культура в каждой из названных стран развивается весьма своеобразно. Так, профессор Оксфордского университета А. Холси подчеркивает интернациональность состава профессорского социологического корпуса в Великобритании и вместе с тем выявляет органическую связь социологического мышления и исследовательских практик в этой стране с идеями фабианского и этического социализма, со стремлением британских социологов использовать государственный ресурс для построения общества благосостояния [Halsey, 2004].

Россия, к сожалению, не попадает в этот список. Развитое социологическое мышление в художественной литературе и публицистике здесь не получило институционального подкрепления вплоть до 1960-х гг. Известные во всем мире отечественные социологи и социальные мыслители вынуждены были жить в эмиграции и порою из-за границы, как А. Герцен, вмешиваться во внутренние дела своей страны. В Западной Европе и США получили признание такие разные по своим социологическим позициям исследователи, как М. Ковалевский (1851-1916), П. Сорокин (1889-1968), Н. Бухарин (1888-1938).

История национальных социологических школ может быть адекватно представлена лишь в контексте истории соответствующей страны. При этом важно осмыслить, как решающие события стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление. Эта гипотеза может быть подтверждена с достаточной убедительностью при сопоставлении особенностей развития главных национальных социологических школ.

Во всех случаях в процессе легитимизации социологии в конкретных странах важную роль играли те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде эти формы мышления были выражены в философской культуре. Американская социология опиралась, прежде всего, на прагматизм, английская – на эмпиризм и шотландскую школу Просвещения, социология во Франции также на традиции Просвещения и на политическую философию. Становление российской социологии в дореволюционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России. С 40-х гг. XIX в. эта тема становится постоянной в российском социальном мышлении.

Само собой разумеется, что политическая ситуация в стране, и прежде всего развитие демократических институтов, оказывает решающее воздействие на положение социологии. Но это не следует понимать в том смысле, что направления социологической мысли и практика исследований полностью определяются политической ситуацией. Корпус исследователей, система социологического образования и иные институты, однажды возникнув, образуют самостоятельную профессиональную среду – *поле социологии*, которое реагирует на импульсы, исходящие от политики сообразно собственным интересам и ценностям профессионального характера [Здравомыслов, 2006]. Но несомненно, что важный фактор развития поля социологии – освоение ею общего культурного этоса своей страны. Именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становятся его частью. В конечном счете, культурное брожение совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе.

В американской культуре XX в. наиболее отчетливо выражена социологическая составляющая. В европейской культуре ситуация

различается в разных странах: во Франции в интеллектуальных кругах доминирует светское мышление, в то же время здесь четко формулируются политические позиции и оценки; в Германии сохраняются традиции философствования, дополненные практикой вытеснения нежелательной проблематики; в Англии культура социальных исследований тесно связана с практическими задачами социальной политики. В этой связи можно выдвинуть следующее утверждение: **культурные императивы общества определяют границы социологического мышления, а институциональные структуры – варианты национального бытия социологии.**

Что касается независимости социологического дискурса, то, как правило, он обеспечивается своеобразной автономией системы образования, организации исследований и издательского дела. История социологии, как отмечает Холси, есть история персонажей, институтов и идей [Halsey, 2004]. Вместе с тем необходимо помнить, что каждая из национальных культур, имея в своей основе некоторое ядро, подвержена изменениям как в силу влияния динамики внутренней проблематики, так и в результате глобальных тенденций.

Попытаюсь с учетом высказанных соображений дать предварительную характеристику имеющихся национальных школ. Здесь есть одна трудность. Желательное изложение проблемы должно было бы строиться следующим образом:

- характеристика культурных традиций данной страны в аспекте их влияния на социологию;
- динамика политических ситуаций, стимулирующих/блокирующих роль социологического мышления, специфика формулирования социологической повестки дня (agenda) для разных стран;
- характеристика собственно национальной социологии с учетом ее стремления соединить проблематику национального государства с проблематикой глобального порядка.

Пределы статьи и степень разработанности каждого из сюжетов, взятого в историческом разрезе, не позволяют развернуть этот замысел в полном объеме. Ограничусь лишь некоторыми соображениями, цель которых состоит в *стимулировании дискуссии по намеченным вопросам*. При этом наибольшее внимание сосредоточу на рассмотрении теоретической проблематики.

Социологическая школа США

После изнурительной и жестокой гражданской войны США не обрели ни умиротворения, ни спокойствия. Интенсивная индустриализация, стимулированная победой Севера над Югом, в качестве своего непосредственного следствия имела быстрые изменения социальной структуры общества. А. Видич и С. Лиман обозначают следующий перечень проблем американского общества второй половины XIX в.: огромное число неприспособившихся иммигрантов; освобождение от рабства афроамериканцев; коренные индейцы, сохранявшие племенную организацию жизни, земли которых постепенно экспроприировались и чье население оказалось под угрозой вымирания; увеличивающееся число жителей городов, обращенных в нищету, социальные условия которых, экономические и культурные потребности и политические взгляды были предоставлены принципу *laissez-faire* и слепым силам истории. Все это сопровождалось совокупностью социальных движений, направленных на эмансипацию человека с помощью местных сообществ, феминизма, классовой или расовой борьбы, генетического контроля, биоинженерии, либо рационализацией благотворительности, реформами и прогрессом [Vidich, Lyman, 1985].

Идеологически господствующие системы социального мышления (пуританство на Севере и протестантизм на Юге) должны были постепенно трансформироваться под натиском обозначенных проблем. Эту задачу и выполняло новое направление социальной мысли в США, получившее

название социологии, Социология в форме контовской утопии вселяла надежду у теологов и Севера, и Юга. Она претендовала на признание в обществе и на участие в выработке и принятии решений. В конце концов мелиористы протестантского толка примирились с контовским позитивизмом, рассматривая его и как социальную науку, и как источник нравственного возрождения. Они восприняли и контовскую концепцию государства, которое должно руководствоваться советами позитивистски ориентированных "специалистов по социальным болезням" и благодаря этому сделаться институтом социального возрождения.

Конт – не единственный социальный мыслитель, чье влияние преодолело океан. В США отмечается влияние Г. Спенсера и Ч. Дарвина, Б. и С. Веббов (фабианский социализм), немецкого историка Г. фон Шмоллера, Д. Риккардо и К. Маркса. "Идеи всех этих авторов были переопределены с тем, чтобы они были соотнесены с американскими условиями и в особенности с фундаментальными установками пуританской теологии, обращенными к мирским ценностям" [Vidich, Lyman, 1985, p. 54]. Институционально социальная наука сосредотачивалась в Гарварде. Именно в этом университете читались первые систематические курсы по социологии.

Важная особенность становления американского общества состояла в том, что иммигранты, переселявшиеся в США, принимали решение о переезде индивидуально, на свой страх и риск. *Здесь строилось общество из индивидов, а не индивиды и личности возникали из общества.* Отсюда – иное видение общества, обязательств перед другими, даже иное понимание непосредственного окружения – сельской или городской общины. Поэтому чикагская школа социологии (Р. Парк и др.) возникает в контакте с философией прагматизма Д. Дьюи. Социология (в этом ее варианте) направлена на изучение индивида в группе: на изучение выборов, предлагаемых новыми жизненными ситуациями.

Распространение марксизма и социализма началось было в Соединенных Штатах в связи с ростом рабочего движения во времена

Великой депрессии, но правящая элита оказалась достаточно гибкой, и Т. Парсонс, в частности, работал в этом ключе. Не случайно он исключил Маркса из числа социологов, на которые опиралась его теоретическая конструкция (в отличие от М. Вебера, А. Маршалла и В. Парето и даже Э. Дюркгейма, грешившего социализмом). Пример США как страны, в которой социология получила наибольшее признание, показывает вместе с тем, что полное доминирование одной идеологической ориентации в демократическом обществе невозможно. Наряду с либерально ориентированной социологией там имеются авторитетные исследователи марксистского направления, среди них наиболее заметные А. Гоулднер, Р. Миллс и Е. Райт. Гоулднер и Миллс внесли весомый вклад в критику парсонсианства и методологии структурного функционализма. А Райт разработал методику изучения классовой структуры общества и применял эту методику в США и других странах. Еще одно направление социологии в США – коммунитаризм, связанный с именем А. Этциони. Впрочем, на уровне отраслевых направлений социологии идеологические ориентации не имеют столь существенного значения. Они играют важную роль на уровне гранд-теорий.

Культура в США – гораздо более диверсифицирована и динамична в сравнении с европейской, что связано прежде всего с успешным строительством новой нации. Огромную роль в ее становлении сыграл конституционный процесс, опыт и результаты гражданской войны, равно как и переход от крайнего индивидуализма к корпоративным бюрократическим структурам и массовым формам организации труда, отслеженными в американской социологической литературе (см. Например, [Riesman, Glazer, Denney, 1953]).

В XX в. США решили проблемы благосостояния и преодоления классового антагонизма, чему способствовал новый курс Ф. Рузвельта, опиравшийся на кейнсианство, с одной стороны, и на структурно-функциональный анализ социальной системы (социологический

институционализм) – с другой. В духовном климате страны утвердились и получили признание триада ценностей: состоятельность и конкурентоспособность на уровне личностных отношений, прагматизм на уровне выработки стратегических решений коллективного плана и патриотизм на уровне провозглашения национальных интересов.

Ценность прагматизма обнаружилась в чикагской социологической школе, которая во многом определила тип социологического мышления в США – его союз с грязекопателями в журналистике и ориентацию на исследования проблем иммиграции и трущоб. На этой основе сформировался союз В. Томаса и польского социолога Ф. Знаниецкого – авторов классической работы "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918-1920). Томас дал определение важнейшей категории американской социологии. Это было не "общество", не "прогресс с его стадиями" и не "борьба классов и идеологий", а "*социальная ситуация*", данная каждому человеку в его собственном опыте. Причем если ситуация воспринимается как реальная, то и последствия ее станут реальными. Можно сказать, что здесь перед нами весьма реалистическая философия, включающая в себя бесспорный оптимизм.

На следующем этапе Парсонс осуществляет "окультуривание" американской социологии с помощью европейского социологического мышления. Замечу, что теория социального действия не только опирается на "классику" европейского социологического мышления, но и на консенсус ведущих представителей социальных наук в самих США (см. [Towards... 1962, p. 3-27]). Такой отбор означал включение европейских мыслителей из четырех стран, наиболее полно разрабатывавших то направление социальной мысли, которое оказалось близким самому автору "Структуры социального действия" (1937).

Ныне в США социология – официально признанная доминирующая дисциплина социального мышления, наука, представляющая некие рамки интерпретации коренного мировоззренческого вопроса о соотношении "Я" и

"Общества", индивидуума и социума. Содержание интерпретаций различно, но сам этот вопрос поставлен вместе с вариантами ответа:

- **структура**, стратификация, ролевые предписания – **социализация**, освоение заданных ролей, **адаптивность**, **девиантность**, **социальный контроль – (AGIL)**;

- социальность как восприятие другого, сложная структура "Я" и его презентации, моего взаимодействия с "Другим", конструирование собственного микромира;

- становление "Я" через систему групповых конфликтов и идентификаций.

Смысл состоит в том, что комбинация структурно-функционалистских параметров и параметров символического взаимодействия вместе с социологией конфликта (Р. Коллинз) предлагает рамки-границы практического социологического разума, обоснования выбора вариантов поведения в море разнообразных ситуаций макро-, мезо- и микроуровня.

Само понятие социального действия становится теперь главной категорией социологической теории (социальная ситуация – снята в нем как момент) и в этом качестве методологическим основанием всей совокупности общественных наук. Отмечу, что именно Парсонс подчеркивает идею смыслообразования социального действия, в его теоретической конструкции соединяется со стабилизирующей функцией культуры как высшего этажа социетального регулирования.

Сам Парсонс и неопарсонсианцы выделяют при анализе этой категории компонент *смысла*. Современная критика указывает на недостаточность этого подхода и обращает внимание на необходимость уяснения *причин* социального действия (см., например, [Девятко, 2000]). Можно было бы продолжить анализ этой неисчерпаемой темы, но я обращаю внимание на концепцию разделения явных и латентных функций социальных структур, и в особенности на необходимость социологического анализа непредвиденных последствий реализуемых социальных действий, высказанную Мертоном

[Merton, 1962]. Он – автор и другой идеи, имеющей огромное значение для современной социологии – *идеи амбивалентности мотивации действия*, которая в известном смысле противостоит концепциям рационального выбора, также распространенной в современной социологической литературе.

Смелзер в упомянутом выше докладе разрабатывает эту тему более основательно на различных уровнях – от психологического до глобального. Он подчеркивает необходимость дополнения постулата рационального выбора постулатом амбивалентности, которая пронизывает все человеческие действия и отношения.

По мере исследования соотношения рациональности и амбивалентности в различных аспектах жизни общества становится ясно, что "мы имеем здесь дело с фундаментальной дилеммой человеческого существования, которая обнаруживает себя в различных дихотомиях: свобода versus ограничения, независимость versus зависимость, автономия versus зависимость, зрелость versus состояния детства и т. д. При этом, какова бы ни была эта дихотомия, сама дилемма оказывается неразрешимой. Ни один из полюсов не существует самостоятельно. Ни свобода, ни зависимость не могут быть осуществлены полностью в силу того, что одно есть лишь часть другого. Люди стремятся и к тому, и к другому, но когда они достигают одного из полюсов, другой начинает о себе заявлять. Такова природа амбивалентности: мы хотим того и другого сразу, но не можем полностью удовлетворить ни одну из сторон" [Smelser, 1998]. Эта методологическая позиция позволяет Смелзеру подойти к анализу проблемы соотношения *свободы* как базовой ценности европейской и западной культуры и *национального государства*.

Приведу весьма важное высказывание и российского социолога А. Филиппова: "Не бывает расчетливости без лихорадки, рефлексии без аффекта, бесхарактерности без героизма, цельности без фрагментарности и т.

д. Не бывает, наконец, того, чтобы ценности не оправдывались жертвами (а не наоборот, что казалось бы более естественным" [Филиппов, 2000, с. 593].

Наряду со Смелзером главными фигурами сегодняшней американской социологии выступают Дж. Александер, Р. Коллинз, Ч. Тилли, Дж. Ритцер, Р. Антонио².

Социологическая школа Германии

Немецкая культура по общему признанию чрезвычайно противоречива. Исследователи почти единодушно отмечают изначальную ее двойственность. С одной стороны, романтизм, связанный со стремлением к некоему не всегда определенному идеалу, с другой – это культура телесного низа, фиксируемая, в частности, в пристрастии немецкой живописи к явной деформации человеческого тела. Еще одна оппозиция "немецкого духа" состоит в противостоянии англо-саксонской трактовке соотношения социального целого и отдельной индивидуальной жизни "этого человека". Социальная целостность – "тотальность" общества всегда выше, нежели человеческое существование. Только в этой целостности, которая чаще всего обретает воплощение в государстве и нации, отдельный человек находит смысл своего существования. Отсюда вытекают два важных следствия.

Во-первых, трактовка государства в смысле, противоположном англосаксонской интерпретации. Именно государство, в частности государство, возникшее в результате объединения Германии (1870), – реальный субъект исторического процесса. Задача каждого отдельного гражданина этого государства состоит в подчинении к любым властным инстанциям и структурам. При этом чем откровеннее властные инстанции провозглашают свои требования, тем большая готовность к подчинению

---

² Разумеется, этот список может быть оспорен, но таким он представляется мне из московского далека.

наблюдается в массовом сознании и поведении. Такое понимание соотношения личности и общества формировалось долго и основательно.

Во-вторых, "немецкий дух" согласно традиции ведущих немецких историков и социологов XIX – начала XX в. (М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Трельч) наиболее последовательно воплощается в милитаризме. Именно это обстоятельство привлекло внимание одного из наиболее известных американских социологов Р. Э. Парка, который посвятил первое исследование в своей жизни "самой совершенной военной организации в мире – немецкой армии". Он показал, что задолго до начала Первой мировой войны именно милитаристская интерпретация духа нации привела к переопределению ее целей. Война стала рассматриваться как национальная задача и лучшее поприще для проявления высших добродетелей граждан. Генеральный штаб немецкой армии превратился в воплощение интеллекта всей нации. Система образования страны, наука, производство, гуманитарные дисциплины – все было подчинено задачам милитаризации. Не случайно, после начала Первой мировой войны интеллектуальные силы немецкого общества включились в "патриотическую пропаганду".

В годы Веймарской республики было создано несколько центров социологических исследований, наиболее важные из которых – в Кельне, Берлине и Лейпциге. Сохранили свое влияние В. Зомбарт, Ф. Теннис. Л. фон Виезе и Р. Кениг уже в эти годы стали играть заметную роль. Вебер еще не получил той известности, которая придет к нему гораздо позже. В соответствии с немецкой традицией большая часть социологов ориентировалась на классиков немецкой философии. Возродились левые и правые неогегельянцы, обострились дискуссии между гегельянами и неокантианцами. Начал работать Институт социальных исследований во Франкфурте на Майне, ориентированный на переосмысление наследия Маркса.

С установлением нацистской диктатуры "социология закончилась". Огромное число представителей немецкой культуры эмигрировали в

Великобританию и США. В рамках франкфуртской школы было проведено классическое социологическое исследование "Авторитарная личность" (Т. Адорно и др.). Хотя оно было осуществлено в США, все же его можно рассматривать как созданное на немецкой почве. Ибо **травма антисемитизма** была движущей силой этого замечательного произведения, в котором раскрывался психологический механизм формирования этноцентризма и сопровождающих его фобий.

Согласно И. Шойху послевоенная социология Германии прошла через три серьезных конфликта. Первый – конфликт между "младотурками", или "серыми волками", получившими образование в США, и теми, кто оставался в Германии. В числе последних были и те, кто сотрудничали – в ряде случаев весьма активно – с нацистским режимом. Некоторые из них (Г. Ипсен, К.-Х. Пфедфер, К. В. Мюллер) были публично обвинены в расизме, что означало отстранение от педагогической и исследовательской работы.

Сложнее обстояло дело с Г. Фрейером, А. Геленом и Г. Шельским. Эти социологи поддерживали нацизм, но после освобождения Западной Германии войсками союзников и создания зон оккупации, они оказались полезными. Поэтому в 1960 г., когда описываемый конфликт был вынесен на обсуждение Немецкой социологической ассоциации, данные исследователи оказались под покровительством американских властей. К тому времени "Гелен разработал антропологию, которая включала в себя, возможно, лучший подход к анализу социальных институтов, а Шельский стал инициатором эмпирических исследований молодежи, проблематики семьи и социальной стратификации". В 1955 г. Гелен и Шельский выпустили учебник по социологии, который выдержал четыре издания за три года"[Encyclopedia... 1992, p. 764, 765].

Второй конфликт был связан с франкфуртской школой, также возвратившейся из эмиграции. В послевоенной Германии М. Хоркхаймер,

Т. Адорно и Ф. Поллак перешли с позиций марксизма на позиции левого гегельянства и обозначили свой подход в качестве "критической теории".

Кениг возвратился в Германию в 1950 г. Он поставил перед собой задачу ознакомления новых поколений студентов с основными идеями американской социологии. Кельнский университет, где он работал вместе с фон Виезе, стал наиболее важным центром немецкой послевоенной социологии. Кениг выпустил ряд книг, часть из которых стала бестселлерами: "Социология сегодня" (1949), "Социологический словарь" (1958), вокруг которого объединились "младотурки", двухтомник по эмпирической социологии (1962). Относительно Р. Кенига Шойх делает интересное замечание: "Ирония его ситуации состояла в том, что он выступил в качестве ключевой фигуры американизации нового поколения немецких социологов, несмотря на то, что сам он был более известен как специалист по французской социологии и культурной антропологии" [Encyclopedia... 1992, p. 765].

Третий конфликт разразился в начале 1960-х гг. при попытке достичь взаимопонимания между тремя сформировавшимися к этому времени направлениями немецкой социологии: Кельского направления, франкфуртской школы и школы Шельского. На узком собрании Немецкого социологического общества в Тюбингене (1961 г.) разразилась дискуссия между Т. Адорно и К. Поппером. Первый отстаивал позиции критической социологии, для которой наиболее важной была социальная позиция ученого, его вовлеченность в политический процесс. Второй выступал с позиций защиты автономии социологического знания, свободы от ценностей и опоры на научно установленные факты. Эта дискуссия вышла далеко за пределы немецкой социологии, так или иначе она продолжалась не только в Германии, но и в других странах.

В середине 1960-х гг. произошло еще одно важное событие в немецкой социологии. Заседание Немецкого социологического

общества 1964 г. было посвящено вновь открытому М. Веберу. Волна дискуссий о его роли, о соотношении веберизма и марксизма, о веберовской трактовке "свободы от ценностей" прошла во всех основных странах, где социология получила признание. Эта тематика не сходит со страниц социологических изданий и сегодня.

В 1959 г. появляется одно из наиболее влиятельных произведений современной социологической литературы "Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе" Ее автор Р. Дарендорф берет на себя задачу сопоставления марксистского и парсонсианского подходов к современному обществу и находит их взаимодополняющими. Марксизм воспринимается им как теория, адекватная для истории европейских обществ и государств второй половины XIX в., когда классовый конфликт пронизывал все сферы общественных отношений. XX в. принес существенные изменения в композицию конфликта. После первой мировой войны возникает система демократических институтов, основная задача которых заключается в урегулировании конфликтов, в предотвращении социального взрыва и нахождении компромисса между противоположными интересами. Несколько позже Дарендорф выпускает "Общество и Демократия в Германии" (1965), в самом названии которой можно усмотреть вызов традиционному противопоставлению немецкой культуры и демократических институтов. Здесь он рассматривает вопрос о причинах возникновения нацизма в Германии и предположения о его возрождении в каких-либо иных условиях. Эти проблемы становятся особенно актуальными в связи с вступлением в жизнь нового поколения немцев, которые хотят понять свое прошлое.

Студенческие волнения 1968 г. приводят к крайней радикализации социального мышления молодежи западноевропейских стран, в том числе и Германии. Марксизм и неомарксизм вновь выходят на публичную арену. Адорно и франкфуртцы вновь оказываются в центре

внимания. Идея "позднего капитализма" проникает в сознание интеллигенции. Исходная позиция новых левых состоит в том, что, по словам Адорно, *"социальный порядок США и СССР имеет разную целеполагающую направленность"* [Encyclopedia... 1992, p. 767]. В эти годы в общественном мнении социология отождествляется с движением "новых левых". В течение всего десятилетия она становится крайне политизированной, своего рода постоянным поприщем публичного дискурса. На первый план выдвигаются вопросы доступного образования, проблемы колониализма, распространения наркотиков, феминизма, сексуальных меньшинств, и т.д.

После спада политической активности в Германии, наступившего в 1980-е гг., большее внимание приобретают две теоретические ориентации, в значительной степени противостоящие друг другу. Речь идет о Ю. Хабермаса, с одной стороны, который продолжает традиции франкфуртской школы, и Н. Лумане, разрабатывающем собственную теорию общества как системы. Шойх дает следующую характеристику позиций последнего: "Луман сосредоточил свое внимание на разработке чистой теории, которая в своей чистоте отрицает возможности применения теоретических положений к миру эмпирических явлений" [Encyclopedia... 1992, p. 769]. Иными словами, теория разрабатывается ради самой теории, завершающей свои построения концепцией аутопоэзиса – самоуправления любых социальных систем – не столько реальных, сколько мыслимых в теоретическом сознании. В этом смысле теория коммуникативного действия, предложенная Хабермасом, представляется более продуктивной, хотя бы потому, что она опирается на разработанную автором версию истории социологической мысли.

Характерной особенностью немецкой социологии 1990-х гг. становится эклектизм. Он характеризуется разрывом с традициями немецкой классической социологии и основательной американизацией немецкой общественной мысли [Современная... 2002].

Социологическая школа Франции

Как отмечалось выше, наиболее развитая в социологическом отношении страна – США. Но не она – родина социологии. Эта честь принадлежит Франции. Именно там появились труды О. Конта, возникли идеи среднего класса. Во французской культуре была впервые осмыслена потребность в светском мировоззрении и светском образе жизни. Здесь была сформулирована идея прогресса как поступательного движения общества по восходящей линии. Здесь утверждались принципы рационалистического мышления, опиравшиеся на традиции картезианства. Франция является родиной Просвещения – наиболее влиятельного интеллектуального движения в истории мировой культуры. Она, как и Германия, – страна с богатой философской традицией.

Французская социология, в отличие от американской, при своем возникновении в меньшей степени связана с практическим запросом разрешения текущих социальных проблем. Она ориентирована на выяснение *законов общества вообще*, и в силу этого во французской социологической традиции гораздо ярственнее выражен теоретический ее характер. Далее, при своем возникновении французская социология опирается на более основательную традицию истории социальной мысли. Р. Декарт, Ш.Л. Монтескье, Д. Дидро и Ф. М. Вольтер уже существовали в истории французской культуры, и социология исходила из традиции Просвещения, а значит, в ней более отчетливо ставились вопросы отношения к религии, более четко определялись границы светского мировоззрения. К моменту формирования "Курса позитивных наук" во Франции получили развитие целый ряд направлений общественной мысли, которые не могли быть проигнорированы. Теории социального равенства и социализма (А. Сен-Симон и Ш. Фурье), историческая школа времен реставрации (Ф. Гизо, Ж. Тьерри, О. Минье), опыт построения теорий прогресса (Ж. Кондорсе) и

теории "социальной физики" (А. Кетле), – вот наиболее заметные направления общественной мысли, уже сформировавшиеся к середине XIX в. во Франции. Наконец, к моменту возникновения социологии французская культура впитала в себя опыт Великой французской революции, наполеоновских войн и реставрации³..

Следующая фигура мощного масштаба Э. Дюркгейм. К началу его творчества имена основоположников французской социологии уже почти забыты, и Дюркгейм начинает заново. В полемике с психологизмом Г. Тарда он утверждает ведущий социологический тезис "общество есть реальность". События общественной жизни не могут быть объяснены ни психологией, ни экономическими основаниями, ни политическими акциями. Это факты особого рода, и специфика их состоит в социальности. Коллективная мысль о самом себе – вот что такое общество. Она выше любого индивидуального сознания. Более того, социальные факты обладают принудительной силой по отношению к индивидуальному сознанию. Поэтому общество – это на самом деле и есть бог. Все, что нас вынуждает действовать вопреки собственным желаниям, остается выше нашего понимания. Эти силы принуждения в индивидуальном сознании сакрализируются и обозначаются именами божеств или божества. Таков второй тезис Дюркгейма. Наконец, его третий тезис связан с открытием генезиса этого коллективного сознания. Истоки его восходят к элементарным формам религиозной жизни, которые органически связаны с ритуалами-практиками и коллективными эмоциями, которые обеспечивают чувство причастности индивида к обществу. Этот тезис увязывается с открытием значения мира эмоций и чувств, которые до Дюркгейма выводились за пределы социального.

В этих трех тезисах, изложенных во всей совокупности работ Дюркгейма, перед нами предстает новый этап осмысления светского начала социальной реальности и вместе с тем наиболее глубокое обоснование идеи

---

³ Как явствует из наиболее документированной работы Жана Жореса «Социалистическая история французской революции» весь комплекс *современных* социальных проблем обсуждался в Конвенте достаточно тщательно. См., например, том 6, глава 1 «Социальные идеи Конвента». М.1983, стр. 7-202.

солидарности, в усвоении которой нуждалось не только французское общество накануне Первой мировой войны. Замечу также, что дюркгеймовский этап французской социологии существенно отличается от контовского в организационном отношении. Конт обретает последователей своего учения главным образом за рубежом. Сеть последователей Конта возникает во всех странах, подготовленных к восприятию позитивистской трактовки общества. Основным средством распространения его влияния оказываются переводы с французского языка на другие. Конт еще при жизни приобретает мировую известность.

С Дюркгеймом дело обстоит иначе. Его труды гораздо менее идеологичны, в силу чего теоретические постулаты нуждаются не просто в поддержке со стороны прогрессистов, а в развитии поля эмпирических исследований. В этом одно из объяснений того, что работы Дюркгейма, также, как и его немецкого современника Вебера, при его жизни не получают признания в общеевропейском масштабе. Лишь в России тщательно отслеживают его публикации и обеспечивают переводы на русский язык [Гофман, 2003]. Дюркгейм создает французское социологическое сообщество, организует первый французский социологический журнал. У него образуется круг последователей, ориентированных на воспроизводство эмпирической картины мира, на фиксирование динамики коллективных представлений в различных обществах и при различных общественных состояниях. Он прокладывает пути к нескольким значимым направлениям французской социальной науки, среди которых структурная лингвистика, а далее, – французский структурализм.

Теперь во Франции даже не модно говорить о французской социологии, о традициях Дюркгейма и М. Мосса, даже о структурализме К. Леви-Стросса, поскольку социология, превратившись в подлинно автономное поле деятельности (исследовательской и преподавательской), дифференцировалась внутри себя на несколько течений, обозначенных именами-символами Р. Будона, М. Крозье, А. Турена, М. Фуко. Они

действительно весьма существенно отличаются друг от друга. Социологический номинализм и позитивистская ориентация характеризуют труды первого, второй известен как аналитик бюрократии и менеджмента, третий – представитель активистской социологии и теоретик социальных движений, инициировавший опыт исследования польской "Солидарности" и шахтерских забастовок в конце 1980-х гг. в СССР, четвертый представляет структурализм, он – создатель концепции "археологии знания".

Но наибольшее влияние на развитие современного социологического мышления оказали работы П. Бурдьё. Его последователи есть во всех странах, в том числе и в России⁴.

Социологические школы Великобритании

Великобритания – страна не менее великой культурной традиции. Множество тех вопросов, которые были поставлены в континентальной культуре лишь в XIX в., в Англии рассматриваются в начале XVII в. Речь идет о В. Шекспире, сформировавшем своего рода образцы социально-психологического анализа мотивации поведения людей в борьбе за власть, наследство, в разрешении извечной проблемы долга и личной заинтересованности, противостоянии благородства и подлости. Творчество Шекспира – один из главных предметов образования и в современной Великобритании, что, несомненно, влияет на формирование национального социологического мышления.

Социологический капитал Великобритании не столь ярок, как во Франции, но весьма основателен. Д.С. Милль соперничает с О. Контом в изобретении термина "социология". В Великобритании создана традиция изучения классового положения, классов в связи с задачами практической социальной политики. Здесь особенно ценят стабильность политического устройства и рациональные изменения государственной власти (напомню

---

⁴ См. например, публикации Сектора структурно-гектического анализа, которым руководит Н. А. Шматко в Институте социологии РАН.

пример с У. Черчиллем, которого отправили в отставку с поста премьер-министра еще до окончания войны в предвидении того, что восстановление мирной жизни потребует иных человеческих качеств, чем качества того, кто был вождем нации во время войны).

Проблема свободы личности получила в Великобритании особое звучание еще в колониальный период. Именно эта проблема стала основой английской экономической науки классического периода. А. Смит и Д. Риккардо стали идеологами "робинзонады" – понимания общества как суммы индивидуумов, вступающих друг с другом в договорные отношения. Вторым постулатом экономической классики стала теория рынка как некоей идеальной модели, выступающей в качестве мощного объяснительного инструмента для условий данного момента и данного времени, исходящего из презумпции равенства участников сделки.

Маркс, будучи в Англии, создал учение о прибавочной стоимости, которое было гораздо более реалистичным, *поскольку исходило из идеи неравенства участников рынка, прежде всего капитала и труда*. Он полагал, что это противоречие будет разрешено с помощью обобществления труда и средств производства и создавал теоретическую конструкцию для разрешения этого противоречия. Но вопрос оказался сложнее.

В "Истории социологии в Британии" Холси проводит четкое различие между социальным мышлением Спенсера, Милля, Маркса и других мыслителей XIX в. и той социологией, которая получила развитие в Великобритании, по мнению этого автора, лишь после Второй мировой войны. С одной стороны, он подчеркивает эмпирический характер этой социологии, использующей многообразие методов анализа социальной реальности для установления фактической стороны дела в том или ином исследовании обзорного типа. С другой стороны, он обращает первостепенное внимание на этические основания социологии. В английской традиции они заложены шотландским просвещением и, прежде всего, научной и педагогической деятельностью Адама Смита.

Именно на обзорах (surveys) строится современная британская социология, благодаря которой открываются перспективы построения "хорошего общества", ориентированного на "хорошую социологию", то есть социологию, которую преподают в Лондонской школе экономики. Холси выделяет семь значимых социологических имен в университетах страны. Это З. Бауман, К. Кроуч, А. Гидденс, Д. Платт, А. Окли, В. Рансиман, Д. Вестергард [Halsey, 2004].

Социология в России

Российская культурная традиция не была ориентирована на прагматизм и эмпиризм. В качестве доминировавших социальных идей в российской культуре выступали идеи справедливости и преодоления социального неравенства. В ней гораздо прочнее укоренены конструкции, стимулирующие надежды на желаемое, но недостижимое. Наконец, российская культура, даже в ее светских проявлениях⁵, ориентирует на эмоциональное восприятие мира и на переходы от одной крайней интерпретации к другой. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. осуществлена последняя из таких инверсий, равная идеологическому перевороту (Л. Ионин). В российской культурной традиции нет и (того) запрета на насилие, который связан с идеей личной свободы и личного достоинства, – идеями, которые стали получать распространение лишь немногим более 100 лет тому назад и именно через русскую литературу, а не через правовое сознание.

В процессе становления российской социологии как самостоятельной профессии можно выделить шесть этапов.

1. На первом этапе, который примерно совпадает со временами Конта, Спенсера и Маркса в западноевропейской социологии, социальная мысль России сливалась с общекультурным процессом. Это особенно ярко

---

⁵ Социология по своему происхождению и содержанию – светская дисциплина. Именно поэтому я не включаю круг православных или любых иных религиозных идей в сферу своего анализа. Хотя такого рода позиция исключительно непопулярна в современной России.

прослеживается на истории журналов «Отечественные записки» и "Современник" особенно в творчестве Н. Чернышевского и Н. Добролюбова. А А. Герцена можно рассматривать как первого российского социолога. (Но) способ его мышления вышел далеко за пределы его времени, он перекликается с современными концепциями качественного, феноменологического исследования "человека в обществе" и "общества в человеке"⁶.

2. Второй этап – время народничества и марксизма. Здесь особо следует выделить П. Лаврова и Н. Михайловского как лидеров народнического движения⁷. Одновременно в России формируется интерес к творчеству Маркса и марксизму (Г. Плеханов, В. Ульянов-Ленин).

Первый профессиональный российский социолог М. Ковалевский – профессор ряда европейских университетов, автор генетической социологии, член конституционно-демократической партии – скончался за год до начала революционных событий. Дальнейшее судьбы социологии в России теснейшим образом сопряжены с продолжающейся классовой, партийной и внутрипартийной борьбой.

3. Третий этап – период после 1917 г. и до конца 1920-х гг. Положение социологии в это время может быть проиллюстрировано биографиями двух российских социологов, работы которых получили достаточно широкое признание. Речь идет о Н. Бухарине (1888-1938) и П. Сорокине (1889-1969). В 1917-1922 гг. оба активно участвовали в политической деятельности, но по разные стороны баррикад. Бухарин – один из видных деятелей большевистского крыла российской социал-демократии, написавший в эмиграции ряд работ, из которых наиболее известны "Мировое хозяйство и империализм" (1915), "Политическая экономия рантье". В революционной

---

⁶ Моя оценка творчества Герцена совпадает с позицией Исаяи Берлина (См. «Герцен и Бакунин о свободе личности»/Берлин . История свободы. Россия. М. 2001. См также пьесу знаменитого английского драматурга Тома Стоппарда. Берег Утопии. Драматическая трилогия. (перевод с английского А. и С. Островских) М. 2006. Пьеса основана в значительной части на произведении Герцена «Былое и думы», написана в 2002 году, идет на наиболее известных европейских сценах.

⁷ Здесь и далее я привожу лишь наиболее известные имена. Более подробная характеристика российской социологии дана в [Голосенко, Козловский, 1995].

России им написан первый популярный учебник по социологии "Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии" (1921), переиздававшийся многократно вплоть до 1929 г. В 1928 г. он публикует "Заметки экономиста", где намечается расхождение с позицией И. Сталина по вопросу о соотношении промышленности и сельского хозяйства и о политике коллективизации. В 1929 г. Бухарин выведен из состава Политбюро, а в марте 1938 г. расстрелян. Все его произведения в СССР были запрещены вплоть до 1988 г.

Сорокин в социологии продолжил линию своего учителя Ковалевского, по политическим взглядам он был правым эсером, в 1917 г. занимал должность помощника А. Керенского. В 1922 г. он был выслан из России с группой философов, историков, представителей гуманитарных дисциплин, отказавшихся сотрудничать с Советской властью. Переехав в США, он основал социологический факультет Гарвардского университета (1931-1940), и именно там он публикует свои основные работы.

Сопоставление жизни и деятельности этих двух социологов позволяет сделать некоторые выводы, характеризующие положение социологии в первые годы Советской власти. Несколько лет после революции сохранялась возможность определенных видов интеллектуальной деятельности как марксистским, так и немарксистским ученым. Однако после 1922 г. любые дискуссии с не-марксистами прекращаются, но все же вплоть до начала 1930-х гг. сохраняется атмосфера дискуссий среди социологов-марксистов в Коммунистической Академии, в журнале "Под знаменем марксизма", в некоторых иных изданиях. В 1929 г. в ВКП(б) совершается идеологический переворот, в результате которого возникает формула "марксизм-ленинизм" и единственным человеком, который определяет критерии принадлежности к этой версии марксизма, становится Сталин.

4. Следующий этап – период сталинской догматики (1929-1953 гг.). В каноническом тексте того периода, опубликованном в 1938 г., – "Истории ВКП(б). Краткий курс" – сам термин "социология" не употреблялся. В целом

изложение марксистской социологии было упрощено до того уровня, при котором оно могло бы быть усвоено человеком, имеющим начальное образование в пределах четырех лет обучения. Социальная функция этого издания состояла в идеологическом завершении строительства мобилизационного общества. Соответственно, и сама социологическая наука в этот период не могла развиваться.

5. "Оттепель", последовавшая за смертью Сталина, ознаменовалась возрождением социологии в 1960-е гг. Изменение политической ситуации создает предпосылки для возрождения профессиональной социологии и автономизации ее поля на основе постепенного отхода научного знания от идеологии, а культуры от политики. В это время социология становится общественным движением, в сознательную жизнь входят социологи-шестидесятники. Их исследовательская работа оказывается важной составляющей общекультурного процесса этого яркого периода в жизни советского общества. Именно в этот период завязываются и получают развитие международные связи российской (советской) социологии, в том числе и с коллегами из стран Восточной Европы.

Социология шестидесятых сыграла важную роль в накоплении того духовного ресурса, который позже был использован в обновлении Советского общества, в период перестройки, означавшей изменение политического климата в стране, способствующего утверждению социологии в обществе. Именно в этот период социология стала предметом преподавания в системе высшего образования, был создан мониторинг опросов общественного мнения по экономическим и социальным вопросам, открыты новые каналы профессиональной социализации (подробнее см. [Здравомыслов, 2006]).

6. Шестой этап в развитии отечественной социологии берет свое начало с рубежа 1980-х – 1990-х гг. Он характеризуется не только полипарадигмальностью, но и сосуществованием анклавов французской, немецкой, американской, английской социологий в пространстве российской

общественной мысли. Открытость российской академической социологии означает, что идет напряженный творческий процесс переопределения доминирующих в мировой литературе направлений социологической мысли с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях. Этот процесс исключительно многогранен. Базовая предпосылка обозначенной тенденции состоит *в понимании самой России как части современного мира, которая не может существовать и развиваться вне контекста целого* [Мотрошилова, 2004]. Разумеется, этой точке зрения противостоит иная интерпретация российских реалий, подчеркивающая самобытность отечественного политического и культурного пространства, своеобразие исторического опыта страны, который не может быть понят на основе западных стандартов социологического мышления.

Если первая тенденция ассоциируется с такими институциями, как Государственный университет-Высшая школа экономики и в какой-то мере с Институтом социологии РАН, то вторая позиция находит опору на социологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Обозначенные выше тенденции ведут между собою скрытую, а иногда и открытую полемику, исход которой будет предопределяться не столько состоянием самой дисциплины, сколько политическими и идеологическими процессами, совершающимися за пределами поля социологии. Ибо сами обозначенные тенденции по отношению к социологии представляют собой внешние идеологические конструкции, оказывающие непосредственное воздействие как на преподавание дисциплины, так и на соотношение исследовательских проектов. Свобода от идеологии, провозглашенная в Конституции РФ после распада СССР, предполагает возможность полемики между обозначенными тенденциями. Вместе с тем в практической работе каждый из акторов социологического поля вынужден делать выбор между ними.

В теоретическом плане этот выбор может быть обоснован разными системами аргументов, уходящими в традиционные споры между западниками и славянофилами. Как раньше, так и теперь, спор этот оказывается взаимно стимулирующим каждую из сторон, ибо *бытие России не получает ни в прошлом, ни в настоящем однозначной интерпретации: она есть и часть современного мира, и вместе с тем, она представляет собою такую его часть, которая обладает определенной самобытностью и своеобразием*. И указанное взаимопроникновение не должно игнорироваться с позиций современного высокого социологического знания.

Поэтому я прихожу к выводу, что наиболее конструктивным для анализа внутреннего поля социологии является поколенческий подход. К социологам-шестидесятникам еще активным по настоящее время относятся Б. Грушин, Ю. Давыдов, Л. Дробижева, Т. Заславская, В. Келле, И. Кон, С. Кугель, В. Кудрявцев, Н. Лапин, Р. Рывкина, О. Шкаратан, В. Ядов, автор этих строк. Каждый из нас опирается на собственную теоретическую конструкцию, которая не во всех случаях является эксплицированной.

Следующее поколение – примерно на 20 лет моложе – представлено такими направлениями, как социология пространства (А. Филиппов), социология культуры и вступления мира в "магическую эпоху" (Л. Ионин), социология глобализации (Н. Покровский), экономическая социология (В. Радаев), социология повседневности (Н. Козлова), история социологии и методология исследований (И. Девятко), социальная структура (В. Ильин, Н. Тихонова) и некоторые иные направления в социологии, включающие в себя огромный опыт проведения полстеров (М. Горшков, Е. Башкирова, А. Ослон и др.) В данном случае выделение направлений осуществлено на основе определенного теоретического ресурса, который не является общепризнанным в масштабах страны или в системе социологического образования.

Власть и знание – самостоятельные миры

Вопрос о существовании национальных социологий тесно переплетается с более широкой проблемой взаимоотношения власти и знания. В рассмотрении этих вопросов присутствует масса предрассудков, широко распространенных не только в обывательских кругах, но и среди научной общественности.

Один из них состоит в том, что власти приписывается способность к абсолютно рациональному поведению. Разумеется, способностью такого рода обладает в какой-то мере каждый человек, но сама по себе *власть* (совокупность действующих социальных институтов, организующих общественную жизнь) есть область пересечения разнородных интересов, выражаемых с разной степенью интенсивности и в разной мере рационализированных, осмысленных. Функция власти в любом обществе – эти интересы согласовать и субординировать, опираясь на политический ресурс, которым она располагает. На такой основе принимаются решения, воздействующие на жизнь общества и составляющих его социальных групп. Поэтому властные отношения всегда являются важными детерминантами социального действия, а особенности личности, стоящей во главе властной иерархии, приобретают огромное значение. Ибо любое действие, происходящее на верху властной пирамиды, не просто трансформируется, но имеет тенденцию усиливаться многократно на более низких ее ступенях. В этом смысле власть есть концентрированное общественное отношение, в котором угасают индивидуальные мотивы. Эта позиция и выражена в широко распространенном в годы перестройки формуле "политика – искусство возможного". Акцент здесь делается не на идее рациональности и научном познании "истинных" интересов, а на *искусстве*, включающем в себя индивидуальные способности уловить наиболее важные тенденции общественных умонастроений.

На самом деле – и это обстоятельно проанализировано как в классической, так и в современной социологической литературе – ни одна

система власти, в том числе и та, которая декларировала свои "научные обоснования", не может руководствоваться ни научным знанием как таковым, ни советами ученых. Наука и политика представляют собою разные жизненные миры, разные области интересов. Социолог – даже Н. Макиавелли – стремится *знать*. А тот, кто осуществляет власть, стремится *господствовать* над другими людьми, управлять ими, независимо от цели и смысла своего господства, прогрессивности или реакционности того политического режима, который он олицетворяет. Без стремления к власти не может быть исторической личности, не может быть ни реформ, ни иных преобразований.

Но точно также и без стремления к знанию не может быть ни исследовательского проекта, ни научного открытия. "Я хочу знать, хочу отделить известное от неизвестного, рациональное знание от мифов и предрассудков, хочу сравнивать и наблюдать, делать строго обоснованные выводы, иметь право и возможности обсуждать те выводы, к которым я пришел, с моими коллегами по цеху, хочу учить (по крайней мере, студентов и аспирантов), опираясь на поддержку власти или вопреки ей", – говорит ученый.

"Я хочу править, – не говорит, а имеет в виду политик, – хочу руководить, управлять, представлять, договариваться, назначать, увольнять, награждать, наказывать, давать указания и, может быть, слушать советы умных людей, встречаться с равными мне политиками для обсуждения проблем современного мира и принятия решений, Я хочу распоряжаться ресурсами, в том числе силовыми структурами".

Так или иначе, начиная с XVII в. в европейской истории и со времен Екатерины Великой в России эти комплексы желаний могли осуществляться благодаря тому, что светская власть отделилась от церкви, а общественная мысль шаг за шагом отделилась от политики. Путь этого отделения был непрост, тут и там возникают рецидивы, возвраты к архаике. Но все же постепенно происходила автономизация обозначенных сфер деятельности.

Отделение государства от церкви и отделение науки (в том числе социальной) от политики – исключительно важные процессы, еще ожидающие своих исследователей.

Таким образом, мы обозначили сферы интересов той и другой области деятельности. Но как же они пересекаются? Как эти две системы обмениваются своими продуктами? Прежде всего, что касается власти, то она – в зависимости от своего характера – представляет несколько наиболее типичных вариантов отношения к социальным исследованиям. Наиболее грубый из них – прямой социальный контроль. Вторая форма отношений фиксируется в либерально-демократическом варианте, опирающемся на принцип *laisser-faire*.

Третий вариант – пока еще утопический. Общество создает науке благоприятные условия на основе самоуправления и автономизации. Наука, опираясь на эти условия и занимаясь своим делом, предлагает обществу, то есть, политике, решения опережающего характера. И политика, и наука остаются в несомненном выигрыше.

Замечу, что осуществление власти (так же, как и борьба за власть) – одна из самых напряженных форм деятельности. Что же здесь дает социология обществу в настоящее время? Думаю, социологическое знание может предложить:

- аргументацию в пользу легитимности (нелегитимности) той или иной системы власти;
- анализ реального положения вещей в обществе (взаимодействия интересов различных групп); это связано с критикой различного рода мифологических и ложных представлений (критика идеологий);
- вычленение и ранжирование проблем, решение которых ожидается от властных структур ;
- совокупность проектов совершенствования общественных отношений, предполагающих изменения как в подвластных (управляемых) сферах общественной жизни, так и в самих властных структурах;

- информацию о реакции населения на конкретные акции властей;
- некоторую систему образования управленческих кадров:

совокупность фактов и сведений об истории социальных идей, конфликтов, пронизывающих историю данного общества и его системы управления.

Чтобы не впасть окончательно в утопические иллюзии относительно взаимодействия науки и власти, обращу внимание на то, что в рамках самой науки именно на попроще ее отношения к власти идет постоянная борьба между двумя конкурирующими парадигмальными установками. *Первая парадигма*: общество – объект исследования и предмет управления. Наука исследует, власть управляет. Хорошая власть опирается на исследования, а плохая – не опирается; и в этом корень зла.

Вторая парадигма: и власти и наука – сами по себе часть общества. Это и социальные институты, деятельность которых ограничена специфическими функциями и рамками, и жизненные миры со своими огорчениями и радостями, и люди, которые не являются воплощением ни абсолютного зла, ни абсолютного добра (в сфере политики), ни абсолютного знания, ни абсолютного заблуждения (в сфере науки). И поле власти, и поле науки ограничены своим временем, способностями, распределением ресурсов, культурой. Они действуют в пределах общего для них пространства (общества), но на разных полях, в рамках которых различные ценности и разные правила игры.

При этом социология исходит из того, что стимулы социальных изменений – требования реформ или возникновение революционных ситуаций – исходят либо изнутри самих властных структур, либо от оппозиции. Чаще всего они возникают как результаты поражения намеченного курса реформ, страны (общества) в результате войны, обнаружения невозможности осуществить поставленные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голосенко И.А., Козловский В.В. История российской социологии XX-XX вв. М., 1995.

Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли // Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии М., 2003 .

Девятко И.Ф. Критика старых и поиск новых моделей объяснения в посткризисной социологической теории // История теоретической социологии. В 4 т. Т. 4., СПб., 2000.

Здравомыслов А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006. № 1.

Ионин Л.Г. Парадоксальный сон. М., 2005.

Мотрошилова Н.В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. 2004. № 11, 12.

Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002.

Филиппов А.Ф. Категория "современности" в зеркале социологической классики // История теоретической социологии. В 4 т. Т. 4. СПб., 2000.

Encyclopedia of Sociology in 4 volumes. V. 4. New York, 1992.

Genov N. National Traditions in Sociology. London, 1989.

Halsey A.H. A History of Sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford, 2004.

Merton R. Manifest and Latent Functions // Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1962.

Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd. A Study of the Changing American Character. Yale, 1953.

Smelser N. The rational and the ambivalent in the social sciences: 1997-presidential address / American Sociological Review. 1998. Vol. 63. № 1.

Towards a General Theory of Action // Theoretical Foundations for the Social Sciences. New York, 1962.

Vidich A.J., Lyman S.M. American Sociology Worldly Rejections of Religion and Their Directions. Yale, 1985.

С А. Здравомыслов, 2007

Редакция по телефону Н. М. Плискевич 30.03-2007.